

Николай

«Неделя» № 50 (1082) 1980 г. +

Крючков

Сегодня гость
13-й страницы —
народный артист
СССР, лауреат
Государственной
премии СССР
Николай Афанасьевич
Крючков.
Многие
из сыгранных
им ролей
вошли в золотой фонд
советского
киноискусства.

— Николай Афанасьевич, вы сыграли более ста ролей. Более ста персонажей вошли в жизнь многих поколений. Но было когда-то и начало. Какое?

— Собственно говоря, начала могло и не быть. Мать получила тяжелую травму, и родился я чудом. Чудом и выжил. Голд, тиф, лебеда — все было. И стояли мы с братом с протянутой рукой: спастись от голода уехали под Тулу, а там еще хуже... Вернулись в Москву. Извозчик от Курского до Пресни просят два миллиона.

Поплелись пешком. Я пить хочу, в жару весь, плохо что и помню. Но на всю жизнь запомнил человека, который где-то возле Сухарева напоил нас. Так потихоньку и добрели до Кудринской площади. Площадь Восстания сейчас. А там и наша «Трехгорка».

Потом и жить стало легче, и специальность я получил — гравер-накатчик. Рисунок на ткань накладывал. Бывало, увидишь на ком платье — и гордость: мой рисунок.

А времени совсем не было. После работы — клуб, спорт, и боксом занимался, и тяжести поднимал, и что только не выделывал. Потом трех наших с «Трехгорки» пригласили в ТРАМ — театр рабочей молодежи. Театр — громко сказано: так, чердак на Сретенке, где сейчас кинотеатр «Уран». Но азарту в нас было! Все ребята рабочие, руки есть, профессии есть — сделали из чердака игрушку.

А преподавателем танцев была у нас Наталья Глан, которая играла в фильме «Мисс-Менд» главную роль. Я ведь и по части танцев был мастак. В детстве, помню, все на Ходынку, к цыганам бегал. Они пляшут — и я в пляс. Вот Глан меня в партнерши и брала.

Как-то шел спектакль, осенью 1931 года. Играл я пьесу «Зови, фактом!». После первого акта приходит за кулисы Наталья Глан, с нею Борис Барнет. И тут же, с ходу приглашает сниматься у него в фильме «Окраина».

Вот так я, парень с рабочей окраины, пришел в кино.

— Вы сыграли в этом фильме, который стал классикой нашего кино, Сеньку-сапожника. У меня и сейчас перед глазами, как вы лихо орудовали молотком.

— Так все же наблюдения! Сколько у нас на Пресне было «холодных» сапожников, скольких повидал! Я когда начал пробовать на эту роль, то показалось мне самому, что всю жизнь только ремеслом сапожника и занимался. Только молоток у меня был в левой руке — лезла я.

Борис Васильевич Барнет поверил мне, поверил в меня. И я считаю: мне повезло, что моим первым кинорежиссером был этот талантливый человек.

После «Окраины» предложение сниматься было очень много. Жаль было оставлять театр, о котором я до сих пор вспоминаю с теплотой и нежностью. У нас было в ходу такое слово — «чище». Ты играешь эту роль чище меня — играй. Я танцую в этой сцене чище, чем ты, — я танцевать буду.

Но кино всё же пересилило, взяло верх. Однако когда я получил свой первый орден за исполнение роли коменданта погранзаставы Тарасова в фильме «На границе», то пришел поделиться этой радостью в театр. В свой театр.

— Рядом с вашим именем, как правило, называют еще два — Бориса Андреева и Петра Алейникова. Как, Николай Афанасьевич, начиналась и складывалась ваша дружба?

— Ну, с Петей Алейниковым мы познакомились еще на съемках фильма Сергея Герасимова «Комсомолец». Он играл там своего полного тезку Петра Алейникова. А потом, после «Трактористов», нас стало трое. Долгое время нас так и называли — по именам наших героев. Я стал Климом Ярком, Борис Андреев — Назаром Думой, а Алейников — Савкой. И все тогда распевавали его куплеты: «Здравствуй, милая моя, я тебя дождался»...

— А помните, когда Петр Мартынович Алейников «дерзнул» сыграть Пушкина в фильме Лео Арнштама «Глинка», так, рассказывают, некоторые падали со смеху, приговаривая: «Глядите, Ваня-то Курский бакенбарды нацепил!»

— Я и сейчас считаю, что выбор Алейникова на роль Пушкина был не случайным и безошибочным. Он прекрасно играл Пушкина, и был похож на него, и был убедительным. Но зритель полюбил его в «Трактористах», в «Большой жизни» и долго еще не мог «освободиться» от того своего восприятия. Вспомните, сколько прекрасных ролей сыграл Борис Андреевич Бабочкин в театре и в кино. А вот говорим — Бабочкин, и в памяти сразу — Чапаев.

— В 1942 году газета «Правда» печатала из номера в номер пьесу А. Корнейчука «Фронт». А в 1943-м в Алма-Ате на Центральной объединенной киностудии братья Васильевы приступили к съемкам фильма, в котором вы сыграли лейтенанта Сергея Горлова. Там есть эпизод, который...

...который мне чуть жизни не стоил? Был такой эпизод. Комбинированная съемка тогда еще не достигла таких высот. И подходит ко мне Сергей Васильев: «Коля, давай попробуем по-настоящему броситься под танк!». Успокоили меня, земля, говорят, мерзлая — выдержит окопчик. Эпизод снимали с трех точек. Идет на меня танк, в руках связка гранат. «Не пройдешь, гад!» — кричу я ему. Ну, времена спрятались, пиротехники довершили за меня все, что нужно, а земля — не выдержала. Танк, слава богу, прошел, но засыпал меня всего. Лежу я зарытый, а чувство юмора все-таки не покинуло меня: «Ну раз, думаю, мой герой погиб, то почему бы и мне не сыграть это?»

Откопали меня, иду в гримерную и вижу в зеркале, как сквозь слой грима, грязи, копоти пробивается смертельная белизна. Осознание опасности

пришло потом, когда все кончилось. Наверное, и в жизни так было, когда люди шли на последнюю, решительную схватку, не думая, не умея в ту минуту думать о последствиях.

— Обычно, Николай Афанасьевич, актеры на вопрос о своей любимой роли отвечают уклончиво. Часто говорят, что любимая роль та, которая еще не сыграна...

— Актер, настоящий актер всегда жадный до работы. И каждая следующая роль — это любимая роль, в нее актер обязан влюбиться, если хочет сделать ее по-настоящему. Мне дороги все роли, каждой отдавался до конца. Не умею играть вполнакала.

Может быть, мне, как никому, везло с режиссерами. Ни один режиссер не мешал мне. Бывает, сыграю эпизод и слышу: «Хорошо». А я чувствую, что могу лучше, и прошу: «Давай еще раз».

Вот, скажем, такие разные режиссеры, как мягкий, интеллигентный Сергей Иосифович Юткевич и крутой, «взрывоопасный» Иван Александрович Пырьев. Не знаю, как им со мной работалось, но мне с ними было легко и радостно. Они приходили на съемку, и я видел, чувствовал, что они прекрасно знают, что будут сегодня делать, как снимать. А когда на съемочной площадке творческая атмосфера, любые трудности, любые споры проще решаются.

— Сами вы никогда не мечтали о кинорежиссуре, о воспитании актера?

— Нет и нет... Это совсем другая профессия. Но, правда, хотя прямых учеников у меня нет, без хвастовства скажу: многие молодые актеры и актрисы признавались, что «учились

они у дяди Коли». Помню, у одной актрисы не получался эпизод. Отвел я ее в сторону, поговорили немного, вернулась она на площадку — и эпизод «пошел». Так что учиться актер должен всегда, не только в стенах ВГИКа и не только на съемочной площадке. Ведь лучше самой жизни ничего не придумаешь. И лучшей школы, чем сама жизнь, нет ничего.

— Кроме кино, кроме театра, есть у вас, наверное, и другие пристрастия и привязанности?..

— Я не собираю марки, не сочиняю стихи, не пишу маслом. Хотя нет, с внучкой Катей мы чего-то там рисуем. Но страстно люблю поэзию.

Люблю жизнь, людей, весь белый свет. Очень огорчаюсь, когда сталкиваюсь с человеческой... нет, даже не черствостью, а безразличием. Надо нам быть милее друг к другу. Никакие НТР, пусть их хоть пять штук пронесется, не заменят нам искреннего человеческого участия в беде или в радости.

Не знаю, не мне судить, удалось ли мне моими работами в кино достичь всего, чего хотел. А хотел я доставлять радость людям, хотел, чтоб становились они чуточку счастливее.

Специфика кино лишает нас радостной возможности прямого общения со зрителями. Поэтому-то я продолжаю работать в театре-студии киноактера, всякий раз с радостью езджу на концерты, на встречи со зрителями, рассказываю о своей и нашей актерской работе. Ведь общение со зрителями, живая их реакция необходима нам, как воздух.

— А как ваши давние увлечения спортом?

— Они со мной, куда им деваться? Я активный зритель спортивных состязаний. Спорт люблю отчаянно. Вот за это, наверное, «Неделя» и выбрала меня членом Олимпийского общественного совета. Кажется, ни одного футбольного, ни одного боксерского турнира на приз «Недели» я не пропустил. А уж что говорить о хоккейном турнире на «Приз «Известий»!.. С нетерпением жду открытия XIV международного турнира.

Да, а рыбную ловлю как я люблю! Все эти браконьерские сети-шметти ненавижу. То ли дело — возьмешь удочку, леска ноль-пятнадцать, и ждешь, когда зацепится рыбка, когда ты ее вытащишь. Вот в чем весь вкус. Знаете, когда клюет — даже курить забываю. А если не ловится — то «расстройство» полное.

Наедине с природой чувствуешь себя чище, добрее, очищаешься от неприятностей и входящих обид. Природа и искусство — вот две ипостаси нашей жизни, которые призваны воспитывать в человеке человеческое. Сейчас часто спорят о кинематографе мысли и о кинематографе чувства. Я не понимаю этих споров и не принимаю этого деления. А «Броне носец «Потемкин», а «Мать», а «Чапаев» — это какой кинематограф? Мыслящий или чувствующий?

Нельзя, никак нельзя отделять мысль от чувства, от сердца, от души. На том стоял я все полвека работы в кино. На том и стоять буду...

Гостя расспрашивал
В. ТУРОВСКИЙ.

Сфотографировал
Г. Дубинский.